

18+ Кира Стерлин

Зимнее море

Кира Стерлин

Зимнее море

«Издательские решения»

Стерлин К.

Зимнее море / К. Стерлин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986819-0

Ян живет в приморском поселке, где никогда ничего не происходит. Каждый день во время каникул он ходит на берег, на свое тайное место, где они с подругой закопали украденное кольцо. Однажды он видит там незнакомую женщину. Кто она и что ищет у моря зимой? Картины погибшего отца Яна, прошлую любовь или его самого?

ISBN 978-5-44-986819-0

© Стерлин К.
© Издательские решения

Содержание

ЗИМНЕЕ МОРЕ	6
ЯН	7
АННА	8
ЯН	9
АННА	11
ЯН	13
АННА	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Зимнее море

Кира Стерлин

© Кира Стерлин, 2020

ISBN 978-5-4498-6819-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗИМНЕЕ МОРЕ

Оно казалось молчаливым соглядатаем, даже соучастником. Или оправой, сценой, декорацией. Теперь я смотрю на него и понимаю: море было всем. Оно было всем с самого начала (Алессандро Барикко)

Отрывок из Википедии:

Владимир Висков (1974 – 2018) – российский художник, которого называют последним наследником импрессионизма.

Широкой публике известно 11 работ художника.

По непроверенным данным Висков около десяти лет прожил в приморском поселке Краснодарского края. После отъезда из поселка следы Вискова теряются. Где он проживал остальное время до сих пор остается загадкой.

Известность работы Вискова получили после выставки в художественной галерее Матвея Званцева. Званцев утверждает, что заинтересовался работами Вискова по рекомендации искусствоведа Анны Запольской. Сам он никогда с художником не встречался, а все дела вел с его представителем.

В 2018 году представитель Вискова сообщил о трагической гибели художника, Подробности неизвестны.

На данный момент все известные работы художника находятся в частных коллекциях. Однако ходят слухи, что в приморском поселке, где в свое время проживал Висков, сохранился архив его ранних работ. Впрочем, достоверность этой информации вызывает большие сомнения...

ЯН

Она сидела на моем месте и смотрела на море. Я видел спутанные темные волосы, падающие на воротник черного пальто и тонкую шею. Я сел у нее за спиной. Она не обернулась.

Море дышало. Мелкие камушки катались по песчаному пляжу с каждым вдохом и выдохом. В середине пляжа деревья сплелись корнями в крепком объятии, образовав импровизированное кресло. Кто-то из туристов, заполняющих пляж летом, принес деревянный топчан и аккуратно установил его между веток. Так кресло стало похоже на большое уютное гнездо. Обычно я забирался в него и сидел час или два. Пока не надоедало.

Зимой это было мое место. О нем не знал никто, кроме Светки. Но Светке я доверял на все сто.

Незнакомка опустила руку в карман, достала сигареты, долго не могла закурить, закрываясь от сильного ветра. Наконец, зажгла сигарету, отвела руку в сторону, и я разглядел кольцо у нее на пальце.

Это было то самое кольцо. Кольцо, которого не могло быть у этой женщины, потому что, когда Светка украла его, я закопал его в тайнике – в сарае отца, куда никто не заходил уже десять лет.

Я понял, что она оказалась здесь не случайно.

Светка, которая всегда смотрела на вещи просто, сказала бы, что всю эту историю я затеял от скуки. В этом есть большая доля правды. Когда тебе семнадцать, ты живешь в поселке, где никогда ничего не происходит, особенно зимой и единственное развлечение – приходиться на берег моря, бросать камешки в воду и мечтать о том, как ты отсюда уедешь, любая ерунда кажется событием вселенского масштаба.

Но было и еще кое-что: уже несколько дней я жил с тревожным ощущением перемен. Что-то должно случиться, шептала моя интуиция, которой я не особо верил. Но чувство приближающейся беды не проходило. Я слонялся по дому и поселку, ходил на море, благо наступили зимние каникулы и можно было бездельничать, но все время чувствовал чью-то тень за спиной. Так было в те дни, когда уехал отец. Тогда я тоже чувствовал, как воздух сгущается и что-то вот-вот взорвется внутри.

И вот сегодня я пришел к морю и увидел ее. И кольцо. И сигарету в ее руках.

Море штормило, жирные чайки ходили по берегу и орали по-хозяйски. Она так и не оглянулась. Выкурила сигарету, закопала окурочек в песок, потом поднялась и пошла по берегу. Похоже она остановилась в соседнем поселке. Во всяком случае, в той стороне, куда она направлялась были только Золотые холмы.

Когда она отошла достаточно далеко, я подошел к своему месту и дотронулся до него. Топчан был холодный и мокрый. Странная женщина.

Я знал, что она вернется сюда опять.

АННА

Я не была тут ровно десять лет. Есть места, где никогда ничего не меняется. Например, этот поселок. За это его можно ненавидеть, но я люблю. В последнее время я все больше люблю неизменность и тихую жизнь. Наверное, это старость. К старости я стала ленивой и сентиментальной. И доброй. Какой кошмар!

Мы договорились встретиться здесь, у моря, через десять лет. Конечно, это полная ерунда. Я забываю лица и голоса через несколько месяцев, дней, а то и минут. А тут – десять лет. Но я приехала сюда и пришла к тому самому месту и сидела на нем ровно час, глядя на море. Не оборачиваться, главное – не оборачиваться – говорила я себе. Иначе я превращусь в соляной столб или почувствую такую боль, о которой уже и забыла. Боли я боюсь и бегу от нее всю жизнь. Она всегда догоняет.

Никто не пришел. Кроме мальчика. Он сидел и смотрел на меня. Я не стала оборачиваться.

Я специально остановилась в том же домике, что и в прошлый раз. Мне показалось, что во дворе сидит все та же собака – толстая большая белая и ленивая. Когда я вышла из машины, она медленно поднялась и лизнула мне руку. А потом появилась и сама хозяйка. Заохала, что не предупредила ее заранее. Отозвала собаку, она все же оказалась не той самой, и пригласила в дом. Дом преобразился. Внутри обит деревом, у стены – электрический камин. На стенах – репродукции Айвазовского. Ну это понятно – море, море... Что еще нужно усталым туристам, которые вынуждены проводить отпуска на российском курорте?

Хотя этот поселок никогда не был курортным.

Странное место. Я понимаю, почему оно так нравилось Владимиру. И понимаю, почему он уехал потом и никогда больше не вернулся сюда.

Здесь остались его жена, сын и ранние работы. За ними я и приехала, но об этом никто не должен знать. Впрочем, у хозяйки был такой вид, что я уверена – к вечеру о моем приезде будет знать уже весь поселок.

ЯН

Когда я вернулся домой, мама уже сидела за компьютером и печатала. Она всегда печатает так, как будто хочет пробить в клавиатуре дырки, или прибить слова к виртуальной бумаге, чтобы они не отскакивали.

Увидев меня, она улыбнулась и сказала, что завтрак на столе и давно остыл.

– Ладно, мам, я погрею.

Пошел на кухню и стал смотреть на холодную яичницу. Она скукожилась и выглядела зловещей. Я снял ее на айфон, чтобы показать Светке: два холодных растекшихся желтка напоминали глаза смотрящие из какой-то склизкой мути. Все как она любит.

Я сел за стол и стал пить холодный кофе. Гадость.

– Охренеть! – ответила Светка.

Помолчала пять минут и решила меня пожалеть:

– Бедняжка.

Я промолчал. Меня так и подмывало рассказать Светке про незнакомку, но сначала я хотел сам насладиться своей тайной. Да и вообще – не стоит одной женщине говорить о другой.

Я смолот зерна и сварил новый кофе. Во всяком случае, он был горячий.

Я пил его и смотрел на единственную картину отца, которую мама повесила на деревянную стену кухни. Старая рыбацкая лодка у берега, мрачное море и ни одного человека вокруг. На меня она навевала тоску. Хотя, кого я обманываю – мне давно уже нет дела и до этой картины, и до отца, и до этого места, где я вынужден жить только потому, что когда-то отец ткнул пальцем в неприметную точку на карте.

Мама приехала сюда незадолго до моего рождения. Они приехали с отцом. Он был художник и хотел жить у моря, на отшибе, подальше от людей. Мама так любила его, что поехала бы куда угодно. Поэтому, когда он выбрал этот поселок, она просто собрала свои вещи, попрощалась с родителями и... оказалась тут.

На все деньги, которые у них были, мои родители купили дом. Отец выбрал его исключительно за то, что он находится вдалеке от всего остального поселка. Наш дом стоит у самых холмов, через которые можно пройти прямо к морю.

Мама говорит, что это была настоящая развалюха – маленькая с низкими потолками и странной деревянной пристройкой, которую называли верандой. Мама уверяет, что она влюбилась в дом сразу – всегда хотела завтракать на веранде.

Врет. Она просто влюбилась в отца и ничего, кроме него, не замечала.

Отец сам сделал весь ремонт. Я этого не помню, потому что был совсем маленький. Мама гуляла со мной у моря, а отец пилил, строгал и перестраивал. Не представляю его таким.

В моей памяти остался равнодушный нервный человек, который все время запирался в сарае или часами бродил вдоль моря с мольбертом, и морщился, когда видел меня рядом. Я его раздражал.

После отъезда отца, дом как-будто сморщился и стал очень быстро превращаться в ту хибару, которую впервые увидела мама. Мне плевать, я мечтаю уехать отсюда подальше и никогда не возвращаться. А маму жалко.

Отец писал картины. Картины никто не покупал. Он с утра запирался в сарае, там были высокие окна. Отец ловил солнечный свет. Солнечный свет для художников – это святое.

Пока он ловил свет, мама пыталась нас прокормить.

Все свое детство я видел, как мама вбивает слова в компьютер. Лучше всего я изучил ее спину. Тонкая шея, хрупкие позвонки и руки, взлетающие над клавиатурой. К вечеру мама уставала так, что у нее болели пальцы.

Иногда мама возила меня к бабушке с дедушкой в Москву. У них была трехкомнатная квартира и уютная комфортная жизнь. Я очень любил ездить к ним и даже просил маму оставить меня там. В такие моменты она смотрела на меня, как на чужого, и говорила, что нам пора домой.

Я всегда был предателем. Таким и остался. Наверное, эта черта досталась мне от отца.

Когда мне было семь, отец нас бросил. Он просто собрался в один день и уехал. Даже не попрощавшись со мной.

С тех пор мы с мамой остались вдвоем.

Об отце мы ничего не слышали. Ни одного письма, ни звонка, ни открытки. Ничего...

А потом он неожиданно прославился. Его работы заметил один галерист, выставил их у себя. Картины стали покупать, цены на них росли.

Отец стал знаменитым художником.

Когда это случилось, маме звонили многие старые друзья. Все хотели узнать, как же так? Бросил маму и прославился? Несправедливо.

Мама поддакивала и кивала. В то время, мне казалось, что она начинала кивать, едва заслышав звонок телефона.

Тогда я возненавидел отца, а заодно и мать. Я не мог видеть, как она кивает всем этим сытым, довольным, любопытным... Она мне казалась слабой и ничтожной. К тому же я-то точно знал, что она только делает вид, что простила отца, а сама ненавидела его так же, как и я.

А иначе зачем она сожгла все, что принадлежало отцу? Все, кроме этой картины с лодкой?

Я кричал на нее, топал ногами. Однажды рано утром собрал вещи и ушел из дома. Я хотел уехать к бабушке с дедушкой. Меня поймали, когда я пытался без билета пробраться на паром.

После этого я подружился со Светкой. Вернее, это она подружилась со мной. Ей нравились люди, способные на поступок. Мой побег она посчитала поступком и, после того, как меня вернули домой, подошла ко мне в школе и сказала: «Привет».

Светка была красивой и сумасшедшей. Опасное сочетание – говорит моя мама. Мне тоже так кажется. Иногда Светка делает такие вещи, которые меня пугают. Чаще всего, это происходит от скуки. Самое главное в нашей с ней дружбе – чтобы Светке не стало скучно. Но это сложно. И я устаю. Поэтому к Светке сегодня я не пойду. Буду лежать на кровати, слушать музыку и думать о незнакомке. И о кольце у нее на пальце.

АННА

Надежды сползают с меня, как одеяло в холодной комнате.

Все дело в мыслях, которые бродят в голове и в воспоминаниях, которые заполняют все щели этого домика.

Единственное лекарство – заняться делом. Обычно я так и делаю. Но не сегодня.

Сегодня я опять иду к морю.

На берегу сильный ветер и я надеваю капюшон и обматываюсь шарфом. Брожу по холодному песку в свете единственного фонаря. Думаю, что под этим фонарем я отличная мишень. Хохочу. Пристрелите меня уже. Кто-нибудь...

В первый раз я оказалась здесь десять лет назад.

Смешная тогда вышла история. Смешная до слез.

Тогда я приехала сюда, чтобы подумать. О чем я хотела думать – одному богу известно. Или, скорее, черту. В первый же день я поняла, что во-первых, это мрачная дыра, во-вторых, думать мне не о чем и, в-третьих, мне срочно нужно развлечься. Или уехать.

На второй день я встретила Владимира.

Худой, небритый и бледный он бродил у моря и что-то бормотал под нос. Я понятия не имела, что он художник. Просто сидела на берегу и тарасилась на него. Кроме него на этом берегу все-равно никого не было.

Он заметил меня не сразу, а потом медленно подошел и сел рядом.

– Я хочу написать вас. – сказал.

И я расхохоталась.

– Что смешного?

– Извините, – сказала я, – Вероятно, это судьба. Я приехала сюда, чтобы сбежать от сумасшедших художников и их идей, и первый человек, которого я встретила здесь – еще один такой же.

– А я не такой же, – сказал он, – Я напишу вас и прославлю. Вы будете гордиться, что вас писал Владимир Висков.

– Висков, – задумчиво сказала я, – Что-то не слышала такой фамилии.

– Услышите еще, – ответил он. Развернулся и ушел.

Я посмеялась и забыла. А потом снова встретила его на берегу. Он больше не подходил. Тогда я подошла сама и сказала, что согласна. На портрет. Он ответил, что для этого ему нужно лучше меня узнать.

И я снова засмеялась. Все это было шито белыми нитками. Никому не известный художник, возомнивший себя гением. Я призналась ему, что сама-то я искусствовед. Он сказал:

– Ага.

На этом наш разговор закончился. И начался сумасшедший роман.

Он пробирался ко мне вечерами, следя за тем, чтобы никто не заметил его.

Ездил в ближайший городок за цветами и вином. Потом приходил ко мне, пахнувший табаком и морем и немного полынью.

Мы пили вино, сидя на полу и цветы стояли в трехлитровой банке, которую я нашла в хозяйском шкафу. Потом забирались в мою узкую постель и прижимались друг к другу, чтобы не свалиться.

Он шепотом рассказывал о себе. Говорил, говорил, как-будто не мог остановиться.

При этом, мы почти не говорили о его жене и сыне.

Я прижимала его к себе, как прижимают любимого, но чужого ребенка. В каждой нашей встрече была горечь неизбежного расставания. От этого, казалось, мы горели еще сильнее, еще

ярче. Нам не надо было беречь огонь страсти на долгие годы, и мы торопились выплеснуть его весь, сейчас.

И все-таки я не погружалась в него до конца. Страх всегда был моим самым сильным чувством.

А потом он написал картину. На ней я стояла у берега и смотрела куда-то вдаль.

Он назвал ее «Ускользящая».

И я поняла, что он все знает. А еще – что он действительно талантлив.

Тогда я объявила ему, что наш роман закончен и я уезжаю.

Он ушел, не оглядываясь.

Но я не уехала. Вернее, не сразу. Потому что встретила совсем другого человека.

Тогда, десять лет назад, здесь, в этом безлюдном месте, я поняла, что такое любовь. Это понимание не принесло мне счастья. Но оставило в душе глубокий след. И воспоминания, которые мешают залечить раны.

Через некоторое время я узнала, что Владимир исчез и прославился. А, может быть, наоборот.

Это был отличный пиар-ход. Во всяком случае, его картины с каждым годом растут в цене.

Особенно после того, как он умер.

ЯН

Я еле дождался утра. Сначала ужинал с мамой и отвечал на ее вопросы. Потом ушел в свою комнату и пытался уснуть. Уснуть мне удалось только под утро, но, как только рассвело, я снова пошел к морю.

Утро было теплым, ветра почти не было и я вдруг почувствовал себя счастливым. Это такое мгновенное ощущение себя и морского воздуха и серых колючих кустов вдоль тропинки, с застрявшим в них сломанным воздушным змеем. Иногда со мной бывает такое – хочется орать, кататься по песку, прыгать в холодную воду и чувствовать себя таким живым, что даже умереть не страшно.

Когда я спустился по тропинке – увидел пустой пляж. Никого.

Острое разочарование накрыло так же неожиданно, как мгновенное счастье.

Моя интуиция снова меня обманула. Никто не пришел. Какая-то женщина случайно забрела сюда выкурить сигарету, а я придумал идиотскую историю.

Потом я вспомнил про ее кольцо. Тут я не мог ошибиться – вчера ее палец обвивала блестящая змея, сияя глазами-изумрудами. Точь в точь, как наша.

Я развернулся и побежал назад.

Кольцо лежало в тайнике в сарае отца.

Сарай стоит в тридцати метрах от моего дома, почти в горах. Отец превратил его в мастерскую и пропадал там целыми днями. После его отъезда в сарае еще долго пахло скипидаром, в углах валялись испорченные кисти и старая рубашка отца, которой он их протирал. За десять лет, мама не зашла в сарай ни разу, а он постепенно разваливался: просела крыша, кое-где прогнили доски пола. В одном из образовавшихся в полу проемов, мы со Светкой устроили тайник.

Я быстро простучал доски, осторожно вынул одну и опустив руку в щель, коснулся холодной земли. Шарил пальцами туда-сюда, но ничего не находил. Тогда я сбегал домой за фонариком, быстро увернулся от мамы с завтраком и вернулся в сарай. Посветил в тайник и убедился – кольца на месте не было.

Не задумываясь, я набрал Светкин номер. Длинные гудки, потом сонное:

– Чего тебе?

– Свет, привет, – вежливо сказал я, – Извини, что разбудил.

– Восемь утра, – грубо прервала она меня, – Ты сдурел?

– Слушай, – тут я запнулся, потому что не знал, как задать вопрос так, чтобы Светка ничего не заподозрила. Но было уже поздно...

– Висков, – строго сказала она, зная, как я ненавижу, когда ко мне обращаются по фамилии, – Что происходит?

– Скажи, ты не доставала наше кольцо? – быстро спросил я, – Я хотел проверить тайник, но ничего не могу найти.

– Зачем тебе кольцо? И с какой стати ты полез в тайник с утра пораньше?

– Не знаю... Делать было нечего. Решил проверить.

– Ври больше, – усмехнулась Светка и не дав мне ответить, сказала, – Я сейчас приду.

Отговаривать ее было совершенно бесполезно.

Я сел на старый деревянный стул и стал ждать.

История с кольцом была самой безумной в наших со Светкой приключениях.

Год назад она позвала меня в город. Городом мы называем большой поселок в тридцати километрах отсюда. Там есть отели, рестораны, аквапарк и все такое. Иногда мы туда ездим, когда Светке становится скучно и она хочет развлечься. В тот раз ей было очень скучно.

Очень – основное слово этой истории. Я никуда ехать не хотел, у меня были свои дела, о которых я сейчас и вспомнить не могу.

Но Светка уговорила меня составить ей компанию. Мы поехали на автобусе, мама дала мне немного денег, которых хватило только на дорогу и два стаканчика домашнего красного, которое нам налили в пластиковые стаканчики прямо на вокзале.

Мы шли по улицам и пили вино.

Стояла поздняя осень, большая часть туристов уже разъехалась. Было тихо и как-то пусто вокруг. Мы заглядывали в туристические лавочки, где никто не обращал на нас внимания, сразу опознавая местных. Потом долго подглядывали в низкое окно, за старичком, который смотрел телевизор и ел жареную картошку прямо со сковороды. Светка хотела напугать старичка, и даже придумывала разные безумные способы, но так ничего толком не придумала. Старичок был спасен.

А мы шли все дальше. Светка все сильнее распалась, ей срочно требовалось какое-то развлечение. Желательно, опасное. И напрасно я уговаривал ее вернуться домой.

Так, препираясь, мы свернули в проулок и увидели небольшой ювелирный магазин. Сквозь большие окна была видна продавщица – крупная женщина, лениво разгадывающая кроссворд. Покупателей она явно не ждала.

При виде магазина глаза у Светки загорелись, как у охотничьей собаки.

– Пошли, – приказала она мне и, не оглядываясь, зашла в магазин.

Я послушно зашел следом. Звякнул маленький колокольчик. Продавщица подняла глаза от кроссворда и посмотрела на нас.

Магазинчик был совсем крошечный. Две небольших витрины с колечками, сережками и подвесками со знаками зодиака.

– Вас что-то интересует? Серебро, золото? – женщина отложила кроссворд и подошла к витринам.

– Нет, – уже собирался ответить я, но тут Светка подтолкнула меня локтем, улыбнулась продавщице и попросила показать обручальные кольца.

Тетка удивилась, явно пытаясь сообразить сколько нам лет. Потом достала несколько вариантов и выложила на прилавок.

Светка принялась тщательно рассматривать колечки. А я растерянно молчал. Мне очень хотелось уйти из магазина, вырваться от пристального взгляда продавщицы, непонятный энтузиазм Светки раздражал меня. А идея с обручальными кольцами казалась идиотской. Я чувствовал, что краснею. В нашей со Светкой отношениях не было ничего, даже отдаленно напоминающего романтику. Она всегда вела себя со мной, как «свой парень» и я очень быстро принял правила игры. Тем более так было спокойнее. Не то, чтобы я не замечал ее красоты или взглядов, которые бросали на нее мужики любого возраста, не говоря об одноклассниках, но сам я по отношению к Светке не чувствовал ничего такого.

В общем, я был готов бросить Светку прямо там, у витрины с обручальными кольцами.

Но тут в глубине магазина, где-то в подсобке я увидел картину.

И сразу понял, что ее написал отец.

Я забыл про Светку и уставился на картину, пытаюсь понять, как она вообще оказалась в этой лавочке. В подсобке было темно и я подошел вплотную к витринам, чтобы разглядеть ее.

Продавщица заметила мой взгляд и с удивлением обернулась, пытаюсь понять, на что я тарашусь.

– Вас заинтересовала картина? – спросила она меня.

Я не успел ничего ответить, потому что в этот момент Светка произнесла:

– А меня заинтересовало кольцо?

Продавщица обернулась к ней.

Светка показывала на кольцо, которое лежало немного в стороне от остальных. Оно выделялось на фоне всей остальной ювелирки, как наследственный лорд на рабочей тусовке.

Продавщица аккуратно достала его из-под стекла и положила на бархатную зеленую тряпочку. Кольцо действительно было невероятным. Оно завораживало: белая благородная змея, светящаяся каким-то лунным светом, сверкала изумрудными глазами и казалась совершенно живой.

– Обалдеть! – прошептала Светка.

– А у тебя, девочка, глаз-алмаз, – похвалила ее женщина, – Это кольцо мало кто замечает, а понимает его ценность вообще один из тысячи. Особенно в нашей дыре, – и она махнула рукой в окно, чтобы у нас не осталось сомнений о том, что она думает об этом городе, его жителях и всех туристах сразу.

– Откуда оно? – прошептала Светка.

– Это змеиное кольцо от Булгари. Слышала таких?

– Нет, – ответила Светка.

– Итальянцы, – сказала продавщица так, словно это все объясняло, – Белое золото, алмазы и изумруды, – и ткнула пальцем в ценник, добиваясь нужного эффекта.

– Ой, – Светка по-детски прикрыла рот ладошкой.

А я ничего не сказал. Просто отвернулся к картине, которую так толком и не смог разглядеть. Полмиллиона за кольцо! Моя мама накопила примерно столько за десять лет и очень гордилась, что сможет дать мне эти деньги на учебу. А тут... Я почему-то разозлился.

Наверное, продавщица почувствовала мое настроение, потому что спросила:

– Что вас заинтересовало, молодой человек? Картина?

– Да.

– Хотите посмотреть?

Я кивнул. На самом деле я не хотел ни на что смотреть. Все что напоминало мне об отце, вызывало внутри неконтролируемую ярость.

Но продавщица уже повернулась к нам спиной и пошла за картиной. В этот момент Светка больно ткнула меня в бок.

Я посмотрел на нее и увидел, что она показывает на дверь.

– Бежим, – шепнула одними губами.

Я еще не успел ни о чем подумать, а мы уже побежали. Выскочили из магазина и тут же свернули в какой-то переулок, который заканчивался гаражами. Мы бросились к ним, пролезли в узкую щель, Светка просунула туда голову, а я подталкивал ее в спину, потом кое-как затолкал себя, и побежали дальше. Перелезали заборы, петляли между дворов, путали следы, шарахались от случайных прохожих.

Выбежали к морю. Потом долго бежали по пляжу, пока я, наконец, не упал на песок и взмолился.

– Куда мы бежим? – спросил задыхаясь.

– Не знаю, – Светка упала рядом, – Но нас будут искать, поэтому надо срочно что-то придумать.

– Что? – до меня только в этот момент стало доходить.

– — Светка, ты... Что ты сделала?

Она молчала и улыбалась.

– Ты, – я почувствовал, что мне не хватает воздуха, – украла кольцо?

Она кивнула.

– За полмиллиона?

Она снова кивнула.

Полезла в карман джинсов и достала его так небрежно, как умела только она.

– Змеиное кольцо, – и надела на палец.

На ее тонких длинных пальцах кольцо смотрелось потрясающе. Оно мерцало в лучах заката. А вместе с ним изменилась и сама Светка. Развалившись на песке она играла кольцом, как сытая грациозная кошка.

Я хотел разозлиться, но с удивлением понял, что злость прошла.

Это кольцо... оно действительно было создано для Светки.

– Что будем делать?

– Спрячем, – казалось, она вообще не парилась.

– Нас вычислят, – я пытался достучаться до ее разума, – продавщица нас точно запомнила.

– Ну... не будем сюда ездить... пару лет, – сообщила она мне равнодушно, – А потом ты уедешь в Москву и я куда-нибудь тоже. К тому времени все уже забудется.

– Да не трусь ты, – и боднула меня в плечо.

Я почувствовал, что, как обычно, поддаюсь ее безумным идеям. Все дело в ее железобетонной уверенности, что мир будет крутиться так, как она, Светка, этого пожелает. Казалось, она вообще не знает, что такое страх.

Эта ее уверенность действовала завораживающе. И теперь, лежа на песке и рассматривая кольцо у себя на пальце, она выглядела спокойной и умиротворенной, как женщина, добившаяся своего: мир закрутился вокруг нее, и вместе с ним крутились все, кто попадал в ее орбиту.

Мы просидели на пляже, пока окончательно не стемнело. Потом аккуратно отправились к станции. Там все было тихо. Я боялся увидеть полицейские машины с мигалками, как в американских детективах. Или неприметных людей в сером, окружающих автобус до нашего поселка.

Тишина.

Мы просто сели в автобус и вылезли на своей остановке, как всегда.

Дома тоже было все спокойно. Еще месяц я ждал, что за нами придут и вздрагивал от каждого звонка.

Но никто не пришел. То ли продавщица нас не запомнила, то ли нас просто не нашли.

Мы долго думали, как спрятать кольцо. Я предложил Светке сделать тайник в нашем сарае. После отъезда отца мама не зашла туда ни разу.

Светка не очень охотно согласилась.

Думаю, ей не хотелось, чтобы ее добыча хранилась на моей территории. Но и у себя она оставить кольцо не могла. Зная ее непредсказуемую натуру, родители контролировали ее, как гестаповцы советских разведчиков: проверяли вещи, телефон, даже кажется вскрыли пароли от соцсетей. Благодаря этому, Светка научилась врать и прятаться не хуже тех самых разведчиков. Меняла ники, пароли, заматала следы. Я даже отдал ей свой старый телефон, который она использовала для связи с теми, о ком не должны были знать ее папа с мамой. Я надеялся, что в основном она переписывалась по нему со мной.

Мы сделали в сарае тайник и спрятали его туда в коробочке из-под духов моей мамы. Духи назывались L'orpheline. Сирота.

Мне показалось, что это очень символично. Светке тоже.

Она, естественно, проверяла свой тайник по несколько раз в месяц. Но предпочитала делать это одна. Меня с собой не звала. Я понимал, что Светка хочет, чтобы это было только ее сокровище. Да так оно и было на самом деле.

Меня кольцо перестало волновать, как только я понял, что нам ничего не угрожает. Этой осенью я даже решился съездить с мамой в город, где она купила мне две рубашки и желтые узкие штаны, в которых я был похож на худую канарейку.

На этом и успокоился.

Но сейчас все изменилось.

– Что случилось? – спросила встрепанная Светка, прибежав минут через пятнадцать. На ней были клетчатые пижамные штаны и зимняя куртка.

В общем видок тот еще.

– Кольца нет, – сказал я.

Светка в отличие от меня, взволнованной не выглядела.

– Зачем оно тебе понадобилось? Да еще так рано.

– Просто хотел проверить, на месте ли оно.

– Да ладно, – она мне не поверила, – Висков! Колись давай!

– Потом расскажу, – пообещал я, – Ты знаешь, где наше кольцо?

– Это мое кольцо, – Светка больно ткнула меня пальцем под ребра:

– Где оно?

Выяснилось, что кольцо Светка перепрятала. Острое чувство обиды кольнуло меня, но я промолчал.

Светка потащила меня по тропинке в горы.

– Я как-то пришла в сарай и увидела там твою мать, – рассказывала она по дороге.

– Не ври.

– Да, правда! – она обернулась ко мне и прижала руку к сердцу, – Клянусь!

Я расхохотался.

Они несколько не обиделась:

– Твоя мать там ходила и что-то рассматривала. Я испугалась жутко, решила, что она нашла кольцо. Потом она ушла и я прокралась к тайнику. Достала кольцо и перепрятала.

Мы вышли к пляжу. Там по-прежнему никого не было. На этот раз я облегченно вздохнул.

Светка при этом усердно копалась под каким-то неприметным кустом.

– Ты что? – не поверил я, – Здесь его закопала? А если шторм?

– Ой, Висков, не паникуй, – она сунула руку в яму и вытащила грязную коробочку.

Кольцо лежало внутри. Я достал его и долго разглядывал, пытаюсь сравнить с тем, что видел на пальце незнакомки.

Светка не выдержала, выдернула у меня кольцо, спрятала в коробочку и принялась закапывать ее обратно, как какой-то крот. Вернее, кротиха.

– Ну, – сказала она, притаптывая землю под кустом, – К чему вся эта суета?

Я вкратце рассказал ей про женщину, которую увидел здесь вчера, про кольцо у нее на пальце. Про то, как мне показалось, что это наше кольцо.

– Все это очень странно, – сказала Светка, – А что говорит твоя интуиция?

Она в отличие от меня очень уважала мою интуицию, считая ее каким-то отдельным органом, который у меня оказался по чистой случайности. А, должен был, конечно, достаться ей.

– Все лучшее детям, – любила говорить Светка, – То есть, мне.

Если бы она была рыцарем, то наверное выбила бы это девиз на своем щите. Или где там они выбивали свои девизы...

– Моя интуиция говорит, что все это очень интересно и что то будет, – честно признался я.

И увидел такой восторг на лице своей подруги, что неожиданно заулыбался. Все-таки больше всего на свете она обожала приключения, а тут явно намечалось что-то интригующее.

Мы еще немного посидели на пляже, подождав незнакомку. Светка отказывалась идти домой, пока не увидит ее «одним глазком».

Потом окончательно замерзли и побрели назад. Никто так и не пришел.

И горький привкус разочарования не оставлял меня весь день, словно я выпил крепкий черный кофе, который так уважал мой отец.

АННА

Когда я уже подходила к пляжу, то увидела мальчика. Только он был там не один. Какая-то девчонка прыгала вокруг него и махала руками.

Вот этого я никак не ожидала. В любом случае в мои планы не входит общаться с подростками. Мне нужно разобраться с мальчиком, забрать картины и вернуться в Москву.

Хватит с меня зимнего моря, романтики и невозможной любви.

Но пока мне пришлось уйти обратно в свой дом и от нечего делать смотреть сериал про убийства. Все это уже порядком мне надоело.

После обеда я не выдержала и поехала в город. Хотелось спокойно поужинать в ресторане, походить по узким улочкам. Мне надо было отвлечься от той тоски, которая, я чувствовала, накрывала меня.

В городе было так же тихо, как и в поселке. Десять лет назад я приезжала сюда с Владимиром несколько раз, но очутившись здесь сейчас, поняла, что ничего не помню. Помнить, конечно, было особенно и нечего: обычный городок, брызжущий наигранным весельем летом и абсолютно сонный зимой.

Я зашла в ресторан, заказала салат из морепродуктов и кофе. Жевала, глядя в окно. Куда тут идти? Опять к морю? Там холодно и ветер – вот такая мысль пришла мне в голову первой. От этой мысли я испугалась – может быть, это действительно, старость. Я от нее все бегу, как Алиса, которая стоит на месте, а она тихо и незаметно поселилась в моей голове.

В конце концов, я решила бросить машину у ресторана и прогуляться по городу. Раньше я любила незнакомые города, они были похожи на чужие шкатулки: иногда мне удавалось заглянуть в них поглубже, вытащить жемчужную ниточку чужой истории или поймать отражение случайной любви. Сейчас я и к этому потеряла интерес.

Но все равно упрямо пошла по улице вверх, туда где начинались маленькие домики, за которыми виднелись горы.

Неожиданно справа от себя увидела переулок, интуитивно свернула в него и пошла по узкому тротуару, обходя лужи. Чуть дальше виднелся двухэтажный домик с вывеской «Золото, бриллианты» – какой-то шутник назвал так свой крошечный ювелирный.

Удивительно, но он оказался открыт. И я вошла.

Звякнул колокольчик, но в магазинчике никого не было. Я даже не удивилась – в этом городе все погрузились в зимнюю спячку. До весны далеко.

Подошла к витринам. Рассмотрела кольца – дешевенькое золото, наверняка турецкое, несколько серебряных колечек для подростков и женщин «а-ля Цветаева». Я уже повернулась, чтобы выйти, смотреть тут было совсем не на что, как за моей спиной раздался голос:

– Добрый вечер, вы что-то выбрали?

Я обернулась и увидела немолодую женщину. Вытянутый серый кардиган, старые джинсы, неожиданно модная стрижка и большое круглое лицо, которое показалось мне смутно знакомым.

– Нет, спасибо, – ответила я.

Но почему-то не уходила, смотрела на женщину и ждала чего-то.

– Ищите что-то особенное? – догадалась она.

Я хотела ответить, что ничего особенного не ищу, а, если бы искала, то не в этом крохотном магазине, который непонятно на что существует.

Но ответила другое:

– Почему бы и нет.

Она кивнула и на минуту ушла куда-то вглубь магазина, там вдалеке зажегся свет. Она вынесла две черные коробочки, смутно знакомые.

«Какой-то модный бренд», – подумала я. А потом поглядела еще раз туда, вглубь, где зажегся свет и увидела ее.

На стене в магазине «Золото, бриллианты» висела «Ускользящая», которую Владимир написал десять лет назад, зимой нашей ушедшей любви.

Это была его картина. Я сразу узнала ее, хотя видела всего один раз. В тот день, когда он показал мне ее, а я вернула ему кольцо.

Я смотрела на нее и не знала, что делать. Мне нужна была эта картина. Черт, за его картинами я и приехала. А эта. Эта вообще была по праву моя.

Я сама отказалась от подарка, который сегодня оценивался в сотни тысяч долларов.

Женщина, между тем, открыла коробочки и я увидела потрясающие кольца. Они, казалось, светились в полумраке. Тонкая работа, прекрасные камни.

– Господи, – вырвалось у меня, – Это же Булгари?

Женщина гордо кивнула.

Тогда я сняла перчатку и протянула ей руку. Она сначала не поняла, чего я хочу, а потом увидела мое кольцо.

В одну секунду ее лицо изменилось. Она смотрела на кольцо, потом на меня, потом снова на него.

Потом она попросила меня показать ей кольцо поближе. У нее был странный голос, все бывшее дружелюбие пропало.

Я сняла кольцо и положила ей в руку. Я никогда так не делаю. Терпеть не могу, когда трогают мои вещи. Не все, но те, которые я сама считаю своими. И кольца точно относятся к этому списку. Я не понимаю, зачем отдала своей кольцо чужой женщине, которая смотрела на меня подозрительно. Наверное, из-за картины, которую увидела у нее на стене. Мне хотелось ей понравиться, типа, мы с тобой одной крови и все такое.

Она внимательно рассматривала кольцо, даже достала из-под прилавка лупу. Через несколько минут женщина вернула мне его. Протянула назад и ничего не сказала.

– В чем дело? – спросила я.

Вся эта ситуация была нереальна, как затянувшийся сон.

Мое кольцо, которое женщина так внимательно разглядывала, картина Владимира, которая почему-то оказалась в этой неприметной лавке, продавщица с ювелиркой Булгари, которой тут совсем не место.

И я сама, приехавшая через десять лет на встречу с человеком, который меня ненавидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.